

18+

Аннотин Р.П.
Веберталь-Таддес Г.Е.
Вишнецкий Е.К.

ДОМ С БЕЛЬВЕДЕРОМ

Егор Вишнецкий

Дом с бельведером. Мини-роман

«Издательские решения»

Вишнецкий Е. К.

Дом с бельведером. Мини-роман / Е. К. Вишнецкий —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-602339-0

В книге повествуется о приключениях уже не молодого, но никак не зрелого князя, в одной из губерний Российской Империи на закате ее существования. Преследуемый пламенной манией служения прекрасному, князь стремится произвести ряд важных (большей степенью для него) реформ, раскрыть шпионский заговор и поучаствовать в Русско-японской войне. Достигнет ли он успеха? Книга понравится любителям исторической сатиры, иронии и постмодерна.

ISBN 978-5-00-602339-0

© Вишнецкий Е. К.
© Издательские решения

Содержание

Прологъ	6
Глава 1	7
Глава 2 – Актъ I	10
Глава 2 – Актъ II	13
Глава 3	19
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Дом с бельведером

Мини-роман

Егор Карлович Вишнецкий
Родион Прокофьевич Аннотин
Григорий Евгеньевич Веберталь-Таддес

© Егор Карлович Вишнецкий, 2023

© Родион Прокофьевич Аннотин, 2023

© Григорий Евгеньевич Веберталь-Таддес, 2023

ISBN 978-5-0060-2339-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Горе тому, кто строит дом свой несправедливостью и верхние покои
свои беззаконием (Ирм. 22:13)*

Прологъ

Однажды, во время одного из своих многочисленных путешествий, кои я с трудом вспоминаю, в бывшей то ли Воронежской, то ли Орловской губернии, увидел я интереснейшие развалины старинного дома. Хотя останки некогда изящной усадьбы были покрыты толстым слоем копоты, прикасаясь к оным, чувствовал я явственно дух той прекрасной и далекой страны – Российской империи. Подле сего дома, под одиноким старым дубом, я обнаружил старый, весь в рытвинах, облепленный мокрыми опавшими листьями, массивный каменный крест. На оном еле виднелась надпись:

Кн <яз> ю А <н> дрею Фридрих <овичу> отъ сердечнаго друга

За сим крестом просто должна была скрываться история, вероятно, весьма энигматического свойства, и я погрузился в местные архивы в поисках нужной информации. Как оказалось, в итоге, история сего дома и его благородного хозяина была не только захватывающая, но и весьма поучительна. За сим я начинаю писать свой скромный труд, дабы поведать Вам, мои дорогие читатели, судьбы трех представителей местного дворянства, связанных с историей как данного дома, так и всей великой страны. Переместимся же в старые добрые времена: на Руси начинается новый двадцатый, кровавый и блистательный век. Итак, я решил задержаться в славном небольшом провинциальном городишке Щ., взяв отпуск на работе и устроившись на четверть ставки в городской архив: так сказать, совместив приятное с полезным. Плоды сего вдохновенного труда я и хочу сейчас представить Вам на суд, мой жаждущий познаний читатель.

Глава 1

Звонко звеня бубенцами, тройка быстроногих рысаков мчалась все быстрее и быстрее, чуя приближение к родимым местам. Кучер Степан, молодой и крепкий парень, не заставший лишений столь недавнего крепостного права, весело и сильно подгонял хлыстом лошадей. Ему нравилась его работа, тем паче барин платил ему аж по полтора целковых в месяц, что прибавляло юноше энтузиазма. Сейчас же, он как раз и занимался тем, что спешил доставить барина в усадьбу. Через двадцать минут карета миновала изящную чугунную ограду, обрамлявшую английский сад, в котором замечательно было спастись от летней жары. Парк сей упирался в аккуратный плац, вымощенный лучшим булыжником в округе, посредине одного красовался высокий флагшток с золотым имперским орлом на макушке. За плацем, могучим памятником былым галантным временам, высился некогда белоснежный, а ныне благородно-серый двухэтажный дом с бельведером, изукрашенный лепниной. Вход в оный был ограничен строгими мраморными колоннами в ионическом стиле.

Не успела карета заехать на плац, как тут же на оном скопились все батраки, наемные рабочие барина, некогда бывшие крепостными у его деда, а ныне зарабатывающие себе на хлеб и выплату выкупных платежей. Вдруг на плац из дверей дома, почти что кубарем, выбежал тощий, высокий человек в прусском сюртуке и старомодных кюлотах. То был старый Фирс, один из преданнейших лакеев нашего князя, которого боготворил.

– Его сиятельство приехали!!! Его сиятельство приехали!!! – задыхаясь голосил Фирс, бегом направляясь к карете.

Добежав, Фирс распахнул дверцу кареты, и из оной вышел главный герой нашего повествования, князь Андрей Фридрихович Щ. Он был знатен, происходил из старого остзейского дворянства. Также в его достоинства входили: приятная внешность, статность, умение изысканно одеваться и изъясняться, а также великий талант архитектора, поэта и живописца, к сожалению, не признанный при столичных дворах.

Князь был одет в дорожный, цвета охры, сюртук, панталоны, на могучих ногах были начищенные до блеска штиблеты. Вид у князя Андрея был уставший, но удовлетворенный.

– Хмм... Распустились вы тут без меня, – громогласно изрек Андрей, – и себя запустили, и усадьбу. Хмм... ну ничего...

– Так Ваше Сиятельство, без Вас мы бы совсем пропали, так нам плохо жилось, охх... – с долей едкого сарказма промолвил Фрол, камер-лакей, всем сердцем презиравший князя за его чудаковатость, и глупо заулыбался, обнажив оскал.

Если говорить начистоту, Андрея никто кроме Фирса не любил, он был непредсказуем для ума простого русского крестьянина, но такой лютой ненависти к нему, как увлекавшийся социалистическими идеями Фрол, не чувствовал никто. Однако и он предпочитал общаться с барином нарочито корректно, но не в этот раз. Андрей смолчал, ни единый мускул на его лице не дрогнул. Он направился вместе с верным Фирсом в свой рабочий кабинет, где долго, аж до ужина, трудился над очередным своим прожектором. А поужинав, он приказал Степану отвести всех крестьян и иных батраков, за исключением Фирса и пары других слуг, необходимых ему в доме, на конюшню, где и хорошо проучить оных известными методами физического воздействия за то, что усадьбу они не смогли содержать в чистоте и порядке. Вообще, князь не был приверженцем таких методов и прибегал к оным только в особых случаях, но сейчас он стерпеть не мог: халатности он не выносил, а пуще прочего ценил хороших друзей и полную преданность. Как понимает наш мудрый читатель, методы сии были на словах общественно порицаемы (все же крепостное право уже давно стало анахронизмом), однако в таких отдаленных уголках Империи, как Н-ская губерния надзирать за строгим исполнением законов было в сущности некому: генерал-губернатор был хорошим другом местному дворянству, регулярно

присутствуя на пышным парадных обедах и, что вполне объяснимо, закрывал глаза на многие *excess*¹, происходившие на подконтрольных ему территориях.

Остаток дня прошел в натужной суетливости – все же дворян отвыкла от нрава своего князя и не была готова к столь скорой встрече с ним. Андрей Фридрихович же с ностальгической радостью расхаживал по прохладным комнатам дома с бельведером:

– Ох и давно же меня тут не было... Хмм, родовое гнездо! – изрек князь, присаживаясь на свое старое кресло в кабинете и вдыхая аромат розовой воды, пиалку с коею ему принес старый преданный Фирс. Фирс издавна был верным слугой в поместье Щ. Незадолго до своей смерти, матушка нашего князя сделала его управляющим усадьбой. Андрей помнил, что Фирс, бывало, обходился с ним грубовато во времена его детства и отрочества, но ныне его любовь и услужливость к хозяину была заметна невооруженным взглядом, и молодой барин это ценил.

Стояли ясные сумерки, в кустах затрещали сверчки, а в крестьянских домах потихоньку гасли свечи, керосиновые лампы и лампадки – усадьба отходила ко сну. Он же стоит перед портретом почившей в бозе барыни, его тело облечено в тонко отделанную ночную рубашку до колен, на голове его мягкий войлочный ночной колпак, позволяющий князю без помех хмурить свой лоб в познании мира. Перед его глазами вместе с клубами утреннего тумана проплывает картина былого.

В тот день князь был поднят со своей мягкой, нагретой ночным бдением и теплом тела постели своим новым гувернером, месье Кюке, который властным и холодным голосом приказал молодому недорослю немедленно раскрыть глаза и предстать перед светлыми очами матушки, кокетливо примеряющей в соседнем флигеле охотничьи камзолы и дублеты. Невыспавшийся князь, виновато мигая глазами, заспанно поплелся к маменьке, оглушительно хлопая босыми ступнями на весь дом с Бельведером. Матушка уничижительно взглянула на своего отпрыска и отрывисто бросила ему, что все косули разбегутся, пока он разлепит свои глаза. Далее она передала чадо на попечение Фирса, который должен был одеть и обуть князя. Засветло они покинули ворота усадьбы, направляясь к семейным охотничьим угольям семьи Щ*. Подъехав к месту, нарядная и шумная процессия, состоящая из нарядных егерей, тучных и блестящих лощеными лицами поваров, знатных господ со всего уезда (отдельно стоял богато украшенный экипаж генерал-губернатора, давнего друга маменьки князя), фельдъегеря с флажками, кое-как одетые и обутые загонщики из числа крестьян в округе, сокольничие в богато украшенных кафтанах и с заломленными шапками и прочая блистательная публика, включающая пёстро одетых дам с воздушными зонтиками и кокетливыми шляпками. Процессию возглавляла сама княгиня Щ*, по правую руку от которой робко гарцевал наследник с прилизанной шевелюрой, облаченный в кафтан коричневого бархата. Лицо его было взволнованно-радостным, а икры тряслись от предвкушения грядущей охоты. К искусно сделанному кожаному седлу идалго с высокой лукой было приторочено четыре богато украшенных и инкрустированных слоновой костью и алмазами пистоля, прекрасно сработанных в мастерской «Кнапп и компания». Шиуцей² своей он периодически вынимал из внутреннего бархатного кармана часы на цепочке, кои в столичных кругах были бы одобрительно признаны «часами благородного мота». Корпус их был выполнен из средней пробы чистого серебра, на верхней крышке гордо сиял широкошитый позолоченный герб рода. Цепь часов была выкована из дорогостоящей платины, которую привезли в специальном ларце из варёного дуба, доставленном прямым из литейных мастерских Иркутска. То был подарок князю на именины. На крышке ларца стояло «Любимому племяннику. Тоцкий».

Матушка имела при себе новомодный нынче в кругах охотников и первопроходцев нарезной Винчестер с прицельной инсталляцией, посеребренной ручкой затвора, который был бук-

¹ Злоупотребления, перегибы (фр.)

² Левая рука

важно недавно выписан из САСШ, и посему он блестел смазкой и терпко пах оружейным маслом. На голове её покоился бежевый пробковый шлем, под который был одет мягкий пуховый оренбургский платок.

И вот, запылали походные костры, оглушительно залаляли гончие, стремясь пересилить льющийся над чащей звонкий звук охотничьих рожков! Ту-тууу-туууу! Округа ожила, загонщики выполняли свой долг, выгоняя ничего не подозревающую дичь прямо под великолепные выстрелы охотников. Особенно сегодня блистала княгиня Щ*, неизменно поражая зверушек меткими выстрелами наповал. Затворная посеребренная скоба то и дело звонко щелкала, досылая патрон за патроном, кои госпожа Щ. клала точно в цель, святась разбурьяненным на холоде лицом.

Но целью сией экспедиции было не показать известное охотничье мастерство бойкой барыни, а вывести под прямой выстрел молодого князя роскошного четырехлетнего оленя с раскидистыми рогами, дабы показать всем вокруг, что род Щ* обрёл в лице Андрея Фридриховича надёжного и крепкого наследника. Сего красавца видели окрестные жители несколько дней назад, следами его буквально была испещрена долина ручья неподалеку...

Князь стоял, не шевелясь, в своем теплом бархатном кафтане, изукрашенном тёмными растительными узорами, прислонившись к стволу поросшего мхом дерева. Всё его существо собралось в единую пружину, готовую разогнуться в любой момент. Аккомпанировал ему в сием деле лысеющий уже Фирс, держащий под уздцы коня князя. Андрей взвел курок изящного пистоля, до упора пригнул на себя кремь и, выдохнув, встал в дуэльную позу, тщательно целясь. Однако, наш юный князь крайне неуклюже взял пистоль, тем более стрелять он решил с неудобной правой руки, желая обрадовать матушку, коя изо всех сил выбилась, пытаясь переучить нерадивого мальчишку. Грянул выстрел, отдача чуть не вывихнула ему руку. Он промахнулся... Андрей Фридрихович мигом вскочил на коня и отправился в погоню за рога-тым беглецом. Стреляя уже с коня, он промазал и оставшиеся три раза, сбросив изысканные пистолы в лесной перегонной.

Барыня как раз только застрелила притаившегося в кустах зайца, практически разорвав тельце мощным американским патроном и торжествующе хихикнула. Раздались аплодисменты: дамы и кавалеры, крестьяне – все были восхищены:

– Блистательная амазонка!

– Воплощение настоящего образа Отчизны!

– Bravo! – кричали в исступлении окружающие, а барыня кокетливо кланялась, не слезая со скакуна.

И вдруг, продираясь на своем коне через кусты, явился наследник: в грязном кафтане, без оружия, с понурым видом. Лицо матери изменилось в считанные мгновения:

– Андрей, изволь спешиться и подойти ко мне! – сказала она властным тоном.

– Их сиятельства упустили оленя... – кланяясь елейно пробормотал Фирс.

Барыня, оставаясь в седле, сняла со своей левой руки перчатку из великолепной коричневой толстой кожи, коя была тем не менее очень элегантна, и несколько раз отхлестала оной Андрея по лицу. Не снятый ею с перчатки перстень рассек губу князю, обширной струей полилась кровь:

– Вы моё самое большое разочарование, сын мой.

Несмотря на присутствие всего света уездного дворянства, у отрока тонкой линией потекла очечная слеза.

Князь пристально смотрел в глаза маменьки на портрете и из его глаза текла такая же слеза, как и в тот самый день. За окном заскулили собаки, на небе показался месяц...

Перед сном князь вышел в бельведер подышать сладким воздухом Отечества, наконец-то он вернулся домой из зарубежного турне, он молод, кипит идеями и, несомненно, его ждет яркое будущее. А тем временем шёл август 1903 года.

Глава 2 – Актъ I

Ту-ту-ту! – разносится над лесом молодцеватый звук охотничьего рожка. Между вековыми дубами и осинами плывёт лёгкая дымка от недавнего дождя, а под ногами, на дороге, хлюпает среднерусская грязь. Небо отдаёт нежной бирюзой утра, а где-то вдалеке молоточком дятел отвечает на звук рожка. Благодать!

По лесной дороге тянется небольшая процессия: расписная коляска в народных мотивах подпряжена лошадью, которую под уздцы ведёт молодой крестьянин в коричневом кафтане и угорской шапке. В коляске сидит зрелых лет барыня – вылитая королева Виктория, полная, в чёрном с выделками и пышным подолом платье, на голове чепец, прямиком от зятя из Дюссельдорфа. Она, прищурившись, с надменностью смотрит то на дорогу, то сквозь деревья, будто бы чтобы найти некоего врага, вторгшегося в её владения. Её властная рука лежит на плече мальчика лет четырёх-пяти. Малыш одет в элегантный петровский камзольчик, пуговицы на нём – так и скажешь: алмазы! борта отделаны серебряной крупой, а застёгнут он на золотые венгерские шнуры. На ногах, в синих гусарских же чикирах с золотом штанишках, надеты удалые русские сапоги красной краски. Молодое пухлое личико завершает плоская военная шапочка, – но не из николаевского сукна, а из сычуайньского шёлку, тулью шапочки украшает блестящий орёл – символ растущей Империи. Напротив матери и сына сидят две служанки, покорно понунив головы.

– Видишь, сын! Это всё твои владения! Они остались мне от отца, а ему от деда, а тот их ещё от царя михайловой грамоты имел. И всё наше. – мать ещё больше сощурила глаза и сжала плечо малыша, – Вот подрастёшь, и будешь сам барином. Всё справишь! Хозяйство, родной, должно быть крепким, как и твои реляции с губернатором.

– Мама, а что такое реляции? – пропищал басовито малыш.

– Уо-о, глупая твоя башка деревянная, – выдавила из себя барыня, вызвав предслёзный румянец на щёчках мальчика, – Так! Вы две, вон из кареты! – служанки, упорно смотря под ноги, вылезли из коляски и встали в одну шеренгу, ровно напротив правой руки повелительницы.

– Слушай приказ! – продолжала женщина, – Вы (палец её указал на мокрую и грязную дорогу) – туда! Устраивать... реляции! Да *avec inspiration*³, а не то иссеку, половки! – командующий голос не подходил женщине, с неё ещё не сошло очарование зрелости и сочности, какими обладают сорокалетние дамы, да ещё не испытывающие недостатка в продовольствии. Более сказать, – часть окрестных помещиков видели в ней очень взрослую и красивую женщину, но глаза, манеры и глаза, жёсткие и резко меняющиеся выдавали в ней глубокую тоску и упадок души, с которым она столкнулась. – Да порезвей там!

Девушки в кожаных, уже порядком изношенных туфельках, встали на дороге. Та была шириной в сажень, и служанки были на довольно большом расстоянии друг от друга. На молодых, но грустных лицах девушек выдавились улыбки, да так неестественно, что иногда были видны зубы. Начались «реляции». Одна девушка подала руку другой в приветственном поклоне, та положила на неё свою руку и также склонилась. Затем повторили, поменяв руки. Движение за движением, взмахи рук становились всё замысловатей, будто бы в театре, девушки показывали разнообразные сцены губернского общения, но настолько элегантно, как не смогли бы даже в петербургские дивы. А молодые их ножки в тонких туфлях всё месили русскую грязь, отчего на одежде и теле появились капли. Сами ноги начали понемногу утопать в лужах, будучи до нитки промокшими.

³ С вдохновеньем (фр.)

– Побыстрее, клушениии! – Мальчик, обращённый матерью с горящими глазами, смотрел на девушек и противно смеялся в паре с матерью. Он – квакающим киндерлахлем⁴, она – барским грасьё⁵.

Возничий же покорнейше стоял у кареты и по заведённой традиции достал из кафтана флейту, и на пяти нотах выдувал Лейб-Гвардии 1-го стрелкового Его Императорского Величества полка марш. Мать, возбуждённая собственной властью, на корме коляски, как на барабане, отстукивала в аранжировку к флейте. А мальчик продолжал смеяться.

Тем временем дымка рассеивалась, и из-за дремучих крон поднялось большое жёлтое солнце. Танцевавшие уже добрых пять минут девушки порядком подустали, но барыне хотелось дождаться заключительных нот своего марша.

– Довольно! – удовлетворённо вымолвила она. – Понравилось, дорогой? – спросила она, и сильно сжала мальчика, прижав его в себе, онесячя⁶ то, что ему было трудной дышать.

– Да, мамя. – также насмеявшись удовлетворённо вымолвил тот.

– Фирс, залезай! – указала барыня пальцем с перстнем крестьянину. Бедные служанки тоже хотели было занять прежние места, но властная резко приподнялась и оттолкнула их.

– В таком виде?! Да в карету? Пшли вон! Юбки поднять, да за нами поспевать. Опоздаете – иссеку, ох, иссеку! – дошло до визга она и вновь властно устремила свой взор в даль.

– Ну, Фирсочек, давай в поместье! Да рысью езжай, рысью!

И лошади как ошпаренные взвились и понесли карету к поместью. Как нетрудно было догадаться проницательному читателю эпизод сей отсылает нас к тем далеким временам, когда Его Сиятельство князь Андрей Фридрихович ещё только начинал свой длинный и полный трудностей земной путь. Маменька его, та самая властная дама, Пульхерия Петровна Щ., души не чаяла в сыне, но в то же время с подчиненными своими изволила вести себя иной раз в манере печально известной Салтычихи, коя за злодеяния свои лишена титула была да заключена в монастырской тюрьме до самой кончины. Муж же оной барыни, стало быть, отец будущего несчастливой, но талантливого архитектора и энциклопедиста, Фридрих Георгиевич Щ., коего все звали Федором Георгиевичем (да и он сам, будучи православным русским человеком именно сие имя предпочитал) был человеком начитанным, большим *conosseur*⁷ в инженерии и, как ни странно в изящных искусствах, по сути и сформировал круг увлечений юного Андрея и направил его на истинный путь познания. Однако при своем светлом уме, в делах житейских был он персоною довольно слабовольной и, к тому же, очень любящей свою жену, несмотря на боль, кою Пульхерия Петровна ему регулярно причиняла. Как может догадаться читатель, в доме с бельведером царил истинный (и столь нехарактерный для того времени) матриархат. Не проходило и дня, чтобы Пульхерия Петровна не кричала на супруга:

– Федор, ты невыносим, ты ничего не можешь, *mon cher*, а при этом стараешься меня еще и угнетать своими церковными предрассудками. Но даже при этой напускной мужественности – ты никто!!!

– Но позволь, дражайшая моя спутница! Я же стараюсь из всех моих сил, хотя я и очень неуклюж... Я нисколько не имел интенций нанести тебя душевную рану. Прошу тебя, во имя всего святого, не обижай меня так...

– Убирайся с глаз моих долой!!! Слава Б-гу, сын характером весь в меня пошел. Его-то я и научу как поместьем управляться, чтоб предков своих не опозорить.

И действительно, князь Андрей перенял лучшие черты обоих родителей своих. Настало нам время познакомиться с обычным ходом жизни в усадьбе князя Андрея, а также наведаться

⁴ Детский смешок (нем.)

⁵ Грассирующий голос (искаж. фр.)

⁶ Игнорируя

⁷ Знаток (фр.)

в гости к его единственному сердечному другу в провинции. Дмитрий Романович Л* был давним другом князя, несмотря на всю их непохожесть. Думается, нашим любознательным читателям будет интересно узнать, как могла завязаться такая дружба, ведь князь Андрей всегда был персоной с весьма тяжелым характером и весьма возвышенными устремлениями.

Это случилось незадолго до отъезда князя в его заграничное турне. Князь, сделав визиты почти всем окрестным помещикам, пришел в состояние весьма удрученное и разочарованное, ведь птицы равного ему полета даже в Петербурге иль в Москве днём с огнём не сыщешь, не говоря уж о глубинке. И вот, когда казалось, что Андрей Фридрихович уж не сможет встретить кого-либо пригодного (а мы, дорогой читатель, скажем откровенно: кого-либо, способного со спокойным выражением лица да без произвольно дергающихся членов тела выслушивать монологи учёного мужа прямиком из столичных салонов), вспомнил наш князь смешной анекдот, ходивший среди всех посещенных им дворян, повествующий о некоем помещике Димитрии, в силу своего низкого происхождения довольно неловкого в этикетке да манерах. «Что ж, абсолютная преданность есть удел таких людей, надо бы глянуть» – важно продекларировал князь в своих мыслях, напряженно потирая виски и хмурия лоб.

Не меняя дорожного костюма да экипажа, даже не уведомив потенциальных хозяев, герой наш незамедлительно скомандовал кучеру держать курс к обиталищу Дмитрия Романовича. Радужная чета Л* не могла отказать путнику с дороги, да еще такому начитанному и интеллектуальному, о котором в уезде со скоростью новейших локомотивов распространялась людская молва. Благо хозяева наши готовились ужинать, и посему князю досталось почетное место за столом.

Капитолина, супруга рачительного господина Л., приготовила целый противень дымящейся говядины по-мещански с ломтиками душистого картофеля, обильно присыпанный зеленью, богато политый луковым соусом и обложенный печеными помидорами. Старательно разложив сие яство по аккуратным глиняным мискам под неусыпным взором томящегося от голода Дмитрия Романовича, нервно постукивающего ложкой по дубовому столу, Капитолина боязливо поставила одну миску прямо перед светлым князем, Андреем Фридриховичем Щ*. Выдав скромную улыбку и быстро опустив глаза, хозяйка отошла на почтительную дистанцию, дабы не подвергать себя остракизму со стороны образованного человека. Князь, недоверчиво косясь на миску томящейся в собственном соку говядины с картофелем, осторожно потянул носом терпкий запах прежде незнакомого ему блюда. Его губы вопросительно изогнулись в такт сморщившемуся носу, явив собой пример великолепного сомнения заядлого скептика. Князь, положив на мощные колени белоснежную накрахмаленную хрустящую чистотой салфетку и, взяв в руки вырезанную лично Дмитрием Романовичем ложку, рискнул начать апробацию. Нашим хозяевам повезло, что князь не начал зачитывать уже ставшую всем привычной лекцию о его проблемах в области печёнки и кишечника, ведь в данное мгновение голод овладел его холодным разумом и натужно сжал алкающие пропитания чресла. Он, погрузив ложку, казавшуюся в его руках кукольной, в густую жижу соуса, ловко извлёк из оной картофелину со свисающим шматком лука и, выждав момент, погрузил её в рот. На мгновение всё в усадьбе притихло, даже вечно весёлый Дмитрий Романович затих, собрав на своём лбу все складки и устремив взор своих внимательных синих глаз в лицо Светлейшего. Его массивные челюсти начали неторопливо двигаться, позволяя крепким зубам яростно измельчать яство. Наконец, спустя двадцать восемь энергичных пережевываний, он остановился и с шумом сглотнул.

– Хмм, приемлемо! – голос князя, казалось, вернул в окружающий мир звуки. Устало зажужжала жирная муха, из хлева донеслось тоскливое мычание коровок, Дмитрий Романович, весь просияв, потер руки и с аппетитом набросился на свою порцию. Приём дорогого гостя продолжился с новой силой, что, несомненно, заложило основы той долгой и крепкой дружбы между двумя соседями-помещиками.

Глава 2 – Актъ II

Июльское утро. На листьях деревьев ярко сверкает роса, а между свежоштукатуренных колонн Дома с бельведером гуляет свежий ветерок. Из приоткрытых рам он вынимает своим прикосновением кружевные занавески. На заднем дворе хлопочет дворня.

– Борька, ты перепелов-то занёс?

– Да, вон – в корзине, поглянь!

– А салаты привёзли уж?

– Сей час должны вот подъехать. Ты уж не мелькай, дай пройти, а то барыня заругает.

Бояться особого гнева суть⁸ все основания. Матушка Андрея Фридриховича устраивала *une banquette d'été*⁹, на которую были приглашены виднейшие люди губернии и ближайших к ней уездов. Такое важное событие само по себе требовало деликатных действий, а с учётом страсти барыни к порядку и красоте – приобретало огромную силу. Нарушения точных и колких указаний карались по законам Серебряного века вне зависимости от крестьянского или дворового табеля. Поэтому те стоящие во дворе невольно поёжились при упоминании организаторши сегодняшнего действа.

Но, диво! – во двор вошла, несомая продолговатыми кожаным бурдюком, машина, движимая двумя чадящими паровыми котлами с винтовой передачей. Машина влетела во двор, распространяя клубы дыма и было дошла уже до испуганного Борьки... но тут Андрей Фридрихович споткнулся о небрежно оставленную лохань и упал на влажную траву. «*A communi observantia non est recedendum*»¹⁰ – изрекли басовито отроческие губы.

На князе была серого цвета пижама из байки, украшенная двуглавым орлом, вышитым золотой нитью на левой груди, прямо над сердцем. Ноги были обуты в китайские войлочные тапочки фиолетового цвета. Андрей Фридрихович размышлял о проекте нового средства передвижения, предложенного ещё Леонардо Да Винчи (к слову, мы тогда ещё не родились, и доказать оное не можем), но бурная фантазия дала осечку. Князь привстал на колени, боязливо поглядывая на многочисленную дворню.

Люди стояли напротив и не знали, как себя повести. С одной стороны, надобно было подойти и помочь встать молодому барину, но ведь невольно можно причинить неудовольствие дражайшему дитяте. Как уже не раз бывало, непродуманное прикосновение либо заставляло Андрея жаловаться маменьке, либо (когда последний чувствовал превосходство) он сам мстил своим слугам за незнание этикета. Поэтому – с другой стороны, дворовые предпочли постоять в стороне. Немые гляделки продолжились примерно с полминуты, после чего Андрей Фридрихович напряг свои лодыжки, приподнялся, и, поглаживая ушибленную ягодицу, попятился к стене Дома. Со взглядом волка, он не сводил глаз со слуг и медленно направился к торцу дома. По-паучьи передвигая ладонями князь, уже набравший три аршина в высоту, переходами покинул задний двор – прищуриваясь и похихикивая.

Борис поспешно убрал лохань, и все вернулись за приготовления. Занесли снесь в дом, закатали в погреб бочку хорошего вина и аккуратно положили на кухне листья хрустящего салата, обёрнутые в жёсткую бумагу. Работа переместилась с заднего двора внутрь дома.

– А ну быстро, быстро, уроды блаженные, сейчас губернатор приедет! – пронизывал Дом голос барыни. Крестьяне сновали между комнатами и переходами, топая по пахнущему можжевельником паркету. Громыхал весь дом, наполняясь запахами жаренных перепелов, растительного масла, вина, свежее выпеченного хлеба, супа с говяжьим хвостом на фасоли и человече-

⁸ Есть, имеются (уст.)

⁹ Летний банкет (фр.)

¹⁰ Нельзя пренебрегать тем, что принято всеми. (лат.)

ского пота. Барыня стояла на первом этаже у парадной лестницы – в белом кружевном платье. Оно ей не шло: платье было воздушным и нежным, в то время как напряженные скулы Пульхерии Петровны источали строгость и некую маскулинность. Она глядела вдаль, на выходящую дорогу, обрамлённую аллеей из деревьев, оперевшись на чёрный зонтик. В это время за ней кругами ходил молодой князь Андрей, уже переодетый в тёмно-синий матросский костюм. Фридрих Георгиевич же сидел подавленно на втором этаже и листал труды по инженерии.

Вдруг вдалеке по дороге вознеслись клубы пыли.

– Щххх! – прошипела хозяйка Дома, после чего из-за торцов дома вышли крестьяне в праздничной одежде (бывшие солдаты одели старую изношенную, застиранную до бледности, форму) и встали перед фасадом. Двое, вставшие аккуратно у парадной лестницы достали инструменты – флейту и барабан, затянули один из многочисленных встречных маршей, окутывая окружающие поля и рощи в дробь и тонкие звуки пикколо.

Через минуту на плац перед домом прикатила карета, запряжённая пятью лошадьми. Из экипажа вышел тучный мужчина – уже в возрасте, но с ярко-чёрными неувядшими волосами.

– Пульхерия Петровна!

– Матвей Варфоломеевич!

Барыня и губернатор по-английски обнялись у первой ступеньки лестницы.

– Êtes-vous fatigué après de la route?¹¹.

– Спасибо, дражайшая моя, всё прошло удачно. Как я вижу наши друзья ещё не изволили прибыть?

– Полагаю, скоро будут – что с них взять, дорогой Вы мой. – мать князя хитро прищурилась и словно лисица из норы посмотрела из своей шляпы-кибитки на губернатора.

– Эхехе, – отсмеялся натужно Матвей Варфоломеевич, – ну что же, разрешите я пока осмотрю Ваш чудесный сад?

– Конечно, проходите, через Дом на заднюю веранду.

Музыка стихла, но выставленные крестьяне остались стоять на месте по стойке «смирно». Барабанщик напряжённо держал в руках палочки, слегка дотрагиваясь кожи инструмента, будучи готовым встретить нового гостя. Губернатор поднялся по лестнице и повстречался с молодым хозяином поместья. «Здравствуй, голубчик мой!» – с толикой притворства провозгласил гость. Андрей Фридрихович сначала поёжился, потупил взор, затем неуверенно расправил рот в широкой улыбке и поклонился. «Проводи-ка меня на веранду!»

Стоящая внизу у лестницы матушка тем временем медленно ходила взад-вперед – от одних перил к другим. Она обдумывала темы предстоящей беседы. Губернатор, промышленник Илларион Шпон и владелец обширных земель в соседнем уезде Ростислав Дребышев были приглашены для обсуждения важного дела – матушка задумывала одновременно вложиться в строительство фабрики в уездном городе и вместе с этим продемонстрировать свою преданность царствующему двору. Последнее планировалось обеспечить проведением пышных празднеств в день рождения Государя. Впрочем, её планы были шире – глядя далеко, она стремилась путём ряда хитрых махинаций разорить соседних помещиков – не без помощи и доли губернатора, и расширить собственный капитал. Пульхерия Щ. продумала размеры долей и меры, которые она предложит своим визави.

Наконец вдали показалась два экипажа, – поскромнее губернаторского, но не менее резвые. После их остановки, на плац вышли стройный, но с длинными усами в чёрном пальто с накидкой Илларион Семёнович и средних размеров Ростислав Иванович в добротном кафтане «под венгерку». Хозяйка поместья встретила и их, любезно пригласив внутрь. Как только

¹¹ Устали ли Вы с дороги? (фр.)

Пульхерия прошла по пятам своих гостей, привратник затворил широкие двери, а стоящие у фасада встречающие отмеренным шагом вернулись на рабочие места.

Столовая была готова разорваться от душных вкусных запахов. На большом толстом жестяном поддоне в середине стола пошкварчивали перепела с салатом, рядом стояли многие иные блюда, от которых у поваров текли слюнки. Но притронуться к ним они не могли. Запах вырывался через открытые ажурные окна, из которых сидящие могли лицезреть великолепный поместный пейзаж. «*Mes amis*¹², прошу, присаживайтесь» – начала трапезу Пульхерия Петровна.

Как все заняли свои места, хозяйка привстала из-за стола, положив руку на поясок своего платья. «Позвольте представить, мой сын – Андрей Фридрихович! Матвей Варфоломеевич уже знакомы, – подмигнула она губернатору, выманивая рукой своего сына из дверного проёма, – Андрей – будущий владелец моего наследства, *un genie extraordinaire*¹³, мысленная опора нашей державы. Я уверена, что совместная компания хорошо послужит нашему общему делу». Губернатор сжал по-азиатски губы в лукавой улыбке, глядя на Андрея. Шпон покачал приветственно головой, а Дребышевич искренне изрёк: «Виват птенцу славного гнезда!». Андрей же, стыдливо придерживая полы своей матроски, смущаясь от приветственных взглядов, занял своё место за столом по левую руку от матушки.

Начался обед. Чисто одетые служанки положили каждому по куску перепела и разрезали его, дабы гостям елось легче и приятнее; только Дребышевич со Шпоном взяли за собственные ножи. Немного покушав, губернатор поднял хрустальный фужер, в котором багряно лучезарилось вино, и, дождавшись внимания присутствующих изрёк: «Господа! Пульхерия Петровна! Я вельми рад присутствовать в компании вас, русских людей, которым не безразлично дело нашего государства. Да восславим нашего царя, восславим наше Отечество!»

Гости поднял свои фужеры, а хозяйка хотела прокричать «ура», но от радости смогла лишь взвизгнуть. Андрей Фридрихович немного растерялся и пролил вино на свои белые брюки, отчего спереди по ним стало расплзаться розовое пятно. Благо никто не заметил данного конфуза, но молодому князю стало очень неловко, отчего последующие полчаса он то и дело поглядывал на свои мариненхозе¹⁴, – не испарилась ли влага, – чем вызывал недоумённые взгляды Шпона и Дребышевича. Губернатор уже не удивлялся.

– Пульхерия, дорогая моя, давайте поговорим о делах государственных.

– Конечно, Матвей Варфоломеевич!

– Итак, кхм, диспозиция наша такова: наша держава расширяется и растёт – внутреннее и внешне, и наш долг —следовать этому направлению. Будучи опорой и слугами государя нашего, я и Пульхерия пришли к выводу, что постольку Империя крепка, поскольку хозяйство наше цветёт и процветает, мы, средние единицы промысла, связываем мужика и царя, руку с серпом, и руку с державой, что ведёт первую... И... – в это время перед губернатором пролетала муха и он на неё засмотрелся, – да, нами было положено, что в нашей Н-ской губернии не так уж всё идеально с хозяйством.

– Да-с, всё очень плохо. – Пульхерия оперлась локтём одной руки на стол и стала вращать ладонью от собеседника к собеседнику, – Поля стоят, а вот Клавдий Спиридонович – тот, *la folie totale*¹⁵, решил у себя керамическую мануфактуру завести. Ну какая в наших краях – да керамика, пустой разброс средств и денег. И дабы сберечь ценное достояние нашего края, господа, мы просим вас вступить в наш союз!

¹² Друзья мои (фр.)

¹³ Небывалый гений (фр.)

¹⁴ Штаны моряка (нем.)

¹⁵ Полная глупость (фр.)

– Весьма интересное предложение... – начал Ростислав Спиридонович, – но почему Вы не пригласили других помещиков?

– Дражайший мой, – улыбкой кота, укравшего сало, отвечал губернатор, – Я уверен, Вы слышали о новомодной теории происхождения рода людского – от англичанина Дарвина, дескать, выживали лишь самые сильные и умные приматы, из которых вышло высшее творение Божие. Так вот, будем считать, что я и Пульхерия Петровна словно Дарвин отсекаем лишнее и нежизнеспособное, оставляя на службе государю полезное и...

– Прибыльное! – метнула очами хозяйка поместья.

– Пожалуй, я понимаю. – смутился Дребышевский столь явно корыстным интересом собравшихся, хотя и разделяя его сам.

– Ну вот, прекрасно! – продолжал губернатор. – Моё дело здесь – гувернировать в интересах державы, и действия наши в этой зале совершеннейше внутри моих полномочий. Давайте объединимся, отстраним неумелых от серьёзных дел, и возьмём экономику сего региона... – он забыл слова, – под уздцы?

– Понимаю Вас, Ваше превосходительство, но, – Шпон задумался и провёл глазами по потолку, – в чём будет выражаться деятельность нашего союза?

– Для начала, – заговорщически улыбнулась Пульхерия Петровна – мы возведём в Абагряново гостиницу на паях, под двадцать пять процентов каждому. Село совсем рядом с уездным городом, посему приток столичных гостей будет силён.

– Я возьму на себя эту заботу, – поднял указательный палец губернатор.

– Но Абагряново ведь есть владением Оглоблина?

– Это не важно – отмахнулась хозяйка: для это мы и собрались, чтобы наше *cause de cœur*¹⁶ удалось самым чудесным образом. Вы кушайте, господа, перепёлки высшего отлову!

Состоялась небольшая пауза, во время которой каждый сидящий обдумывал свой новый партизанский¹⁷ статус и привыкал ко своим достопочтимым сообщникам, обглаживая сочную ножку жирного перепела. Думал каждый, – пожалуй, кроме Андрея Фридриховича, который одной рукой оттягивал скатерть чтобы закрыть пятно на брюках, а другой витиевато выводил на белоснежной скатерти перепелиной подливкой «*marquis de Condorcet*¹⁸». Действия князя вновь привлекли внимание сидящих, и маменька продолжила разговор.

– Андрей. Встань и подойди ко мне. Молодец. Господа, Андрей Фридрихович Щ., мой дорогой сын – уважаемый в губернии юноша, философ и изобретатель. В скором времени дражайший Матвей Варфоломеевич даст бал, на котором будут все дворяне нашей округи. Конечно, там будет и наш дорогой Оглоблин.

– И что же мы хотим с ним уделать? – нетерпеливо спросил Дребышевский

– Голубчик, всё очень просто. Губерния полна слухов, которую не в первую очередь порождают с явственным намерением. *Voici, par exemple*,¹⁹ заговорили о том, что Оглоблин Иван Васильевич прелюбодействовал со своею служанкой при том, что имеет законную супругу. Наш же замысел состоит в том, чтобы выявить пороки сего человека *de l'autre genre en essence*²⁰. – Шпон и Дребышевский сощурили глаза и подняли брови в недоумении, Пульхерия зловеще улыбнулась.

– Задача моего дражайшего сына будет состоять в том, чтобы продемонстрировать свои чертежи в одном из покоев Матвея Варфоломеевича. И, когда в главной зале все будут кружиться в танце, мы устроим так, чтобы в этом покое остались только Оглоблин и Андрей Фри-

¹⁶ Сердечное дело (фр.)

¹⁷ Предопределённый, с предубеждениями

¹⁸ Маркиз Кондорсе (фр.)

¹⁹ Вот, например, (фр.)

²⁰ В корне другого рода (фр.)

дрихович. – губернатор с удовольствием вжал голову в плечи, Дребышевский и Шпон раскрыли глаза, в недоумении сжав брови.

– Да, да..., впрочем, всё в рамках Божьего закона. Вне зависимости от происходящего в комнате, mon fils²¹ выбежит из неё, возвещая о непотребных посягательствах господина, чьё присутствие отравляет жизнь и развитие нашей губернии.

– Сударыня, но это же театр! Ваш сын ещё весьма мал, и совершеннейше не блудница! – выпалил Дребышевич.

– О-о, сладчайший мой, – медленно повернула голову хозяйка, – Поверьте, вся жизнь театр, а лучший приз в нём имеют хорошие актёры, – она стала гладить Андрея по голове, – а мой сын – актёр великолепный и талантливый, хоть во многом ему ещё и нужно учиться.

Пока помещица гладила и смотрела на сына в зале воцарилась неловкая паузка. Разрядить её решил губернатор, он, оперевшись на ручки кресла, встал из-за стола и подошёл к окошку. Пронизывающий нежный солнечный свет лился через открытые проёмы.

– Господа, прошу Вас не бояться – рамки нравственного наши действия не покинут, а здоровье Андрея Фридриховича повреждено не будет. – губернатор ухмыльнулся невидимой присутствующим стороной рта, – от Вас же потребуются при дальнейшем обсуждении и на, скорее всего, неминуемом суде чести и достоинства высказаться за моральное спокойствие нашей округи, пострадавшее от падшего Ивана Васильевича. Калькуляции не хитры, имущество, за исключением родового дома, мы думаем перевести во временное правление губернской канцелярии, откуда оно потом уйдет на торгах. Естественно, нашими предпочтениями, господа.

– Андрей, Ваша миссия вам ясна? – обратился ко князю губернатор.

– Детально! – обвёл глазами присутствующих Андрей

– Ну вот и хорошо! Господа, предлагаю выпить за наш договор! Вы согласны участвовать в наших деяниях во имя нашего общего и частного блага?

– Признаться, – отвечал Шпон, – характер действий меня смущает, но, вероятно, раз Вы, Матвей Варфоломеевич, считаете наш поступок благом, то я развею свои сомнения.

– Я также согласен – пожал плечами Дребышевский. Он и Илларион Семёнович осознали могущество двух сидящих рядом с ними людей и понимали, что, откажись они – за учтивым реверансом последует тайная подоплёка, ведущая к потере имущества, а то и свободы. Конечно, можно было составить высочайшее прошение о расследовании преступных заговоров, но не было гарантии его открытия, да и сами господа были не столь благочестивыми чтобы отказываться от солидного куша, – Дискуссия тут не уместна, по моему суждению.

– Ура! Bravo! Благослови Вас господь!

Заговорщики опустошили ещё раз наполненные прислугой бокалы вина. «Ну, Андрей, а теперь – проводи наших гостей в сад!» – приказала матушка, после чего хлопнула в ладоши. Молодой князь понуро встал в арку и боязливо смотря на высоких гостей сделал пригласительный жест. Ему было непривычно общаться с уездными людьми (хотя и обычнее чем с дворянкой), но он чувствовал свою важность, от которой зависит благо всего Отечества, которое он всем сердцем любил и был готов отдать все свои силы, дабы лета его были долгими, а севы – богатыми. И так, думая о будущем поступке (скрытую эссенцию коего он ещё не осмыслил) он повёл гостей на летнюю веранду.

Там, по хлопку хозяйки, на притоптанной песчаной площадке выстроилось три девушки и три парня в праздничных одеждах, вместе с двумя детьми. За ними цвело полдничной синевой небо и пыхали зрелостью поля вперемешку с рощицами – вид с веранды открывался прекрасный. Гости уселись на резных стульях из красного дерева, чьи спинки состояли из спле-

²¹ Мой сын (фр.)

тения тончайшей, но крепкой березы, тщательно обработанной до нежного состояния. Рядом стояла девушка, готовая в любой момент подать инкрустированную чарку водки или вина.

По следующему хлопку, из-за углов веранды вышли утренние музыканты и затянули мелодию.

Певцы запели:

*У Успенского собору
В большой колокол звонят,
Нашу милую Парашу
Венчать с барином хотят...*

Разморённая публика завела праздные беседы о недавних покупках и делах коммерческих. Молодой князь же перестал смущаться запятнанных штанов и подставил нижнюю часть своего тела свежему ветерку. «Государя...», «общее благо» – билось в его голове. Для него мысль о полезности чему-то крупному, тёплому и важному, снисходящему от Господа Бога, была настоящим упоением. Этот отрок, окружённой душевной невыпускающей заботой, никогда не видел всей своей отчизны, но хотел быть ей полезен; и из своего поместья – даже не уезда, и уж тем более не губернии, он хотел сделать хоть что-то во славу Его.

*Госпожою быть мне лестно,
А Ванюшу очень жаль,
Госпожою-то я буду,
А Ванюшу не забуду,
Я Ванюшину семью...*

Пайщики подружились. За очередной шуткой барыня заливисто засмеялась и схватила с подноса служанки сочную сливу. Она была отменной охотницей и метнула плод прямо в лоб поющего мальчика.

Всю на волю отпущу.

Глава 3

В опочивальне было жарко. Влага, накопившаяся в комнатном воздухе из-за ночного дождя, испарялась под лучами встающего солнца, отчего на стёклах возникали стекающие вниз капельки. К тому же затопил подвальную печку Фрол, поэтому пол опочивальни знатно раздавал теплоту. От начинающей быть нестерпимой духоты, Андрей проснулся. Томным утренним барским взглядом от сонно посмотрел на потолок. Штукатурка не менялась с года маменькиной смерти, отчего по ней пошли лёгкие трещины, а бывший альпийско-белым потолок приобрёл серость.

Хозяин дома через едва открытые ресницы смотрел на эти трещины, и ему виделись в них улицы, ровные улицы, будущего города, который следовало воздвигнуть вокруг его усадьбы. Через пару мезерей²² в голове его возник очередной план прекрасного здания – церковно-приходской школы. Нехотя Андрей начал стягивать со своего тела одеяло. Сделать это было сложно, ибо под утро толстая черниговская перина прилипла к вспотевшей коже. Однако, победа. «Фрол, изволь играть побудку!» – обозначил барин сигнал к работе для своей прислуги, сам же поплёлся к массивному дубовому столу.

На мягком стуле с резными золотистыми подлокотниками висел бархатный с серебристой выделкой персидский халат. Андрей переоблачился в него, сняв свой ночной наряд, однако оставив ночную шапочку с кисточкой. Завязав халат на вид крестьянского кушака, он, гордо подбоченившись, взглянул на себя в высокое зеркало. «Ну и сонный же я». – стянул он губы трубочкой и медленно опустился в мягкое лоно старого кресла, которое помнило ещё времена Павла Первого, что вызвало нестерпимое неудовольствие кресла – уже на протяжении двадцати лет его не обновляли, на ножках отпала краска, а сидение глубоко просело.

Творец же, закинув ногу на ногу, достал из ящика стола настоящий свиток рисовой бумаги, и начал набрасывать чертёж школы. Школа выходила в неорусском стиле, с каменными лжеставнями на окнах и античными колоннами при входе. Крышу здания завершала статуя архангела Михаила с крестом.

– Чего изволите, барин-с – промолвил Фрол, оповестивший других обитателей дома по особой системе колокольчиков, – Долго же ты; поди всю ночь пьянствовал шельмец! – отчитал слугу Андрей.

Фрол и вправду пригубил бутылёк браги, однако плёлся медленно не от незаметного похмелья, а от предвкушения общения с хозяином. В отличие от других жильцов особняка молодой крестьянин не считал барина эталоном совершенства. Последний продолжал:

– А вот знаешь, что во Франции, дурья твоя голова, уже поставили электричество в трёх четвертях Парижа? Никак не могу взять в толк, почему в пределах нашей империи не ведётся скорейшая модернизация! Хотя знаю... – и начал описывать стоящему с кислым лицом Фролу детальные причины неудач российской электрификации. Несчастный слуга тем временем глядел в окно. На капельках играло ещё выше встающее солнце, красным светом весенней зари. За окном, недалеко от дома, двое крестьян поднимали на флагштоке огромное трёхцветное полотнище, три на два аршина, имперского стяга, а ещё трое особо отряжённых стояли в шеренге на особом постаменте рядом и играли гимн могучей страны – на трубе, барабане и скрипке. Из нескольких окрестных домов в поле потянулись заспанные крестьяне, до сих пор не выкупившие себя, а те, кому это посчастливилось, просто просыпались: дворянский «окрестр», как назвала его одна местная баба, уже два года будил их заместо петухов.

Но перенесемся же ненадолго из уютного старинного дома с бельведером, стоящего посреди старинной усадьбы, на несколько верст к югу, где за узенькой речкой расположилось

²² Минут

поместье хозяйственного Дмитрия Романовича Л. Роду же он был, прямо скажем, худоватого: еще прадед нашего барина рано поутру тащился за плугом, а иногда и впрягался в него вместо клячи, сеял, пахал, собирал урожай и порою получал горячих на конюшне, но, будучи смекалистым, смог вырваться в люди. И вот могучий, косая сажень в плечах, барин стоял на крыльце собственноручно сработанного дома, хотя это были скорее хоромы сказочного князя: пятиэтажный сруб из бревен в два охвата, искусно изукрашенный разноцветной росписью в неорусском стиле и резьбой, выполненной им же с помощью своих лучших столярных дел мастеров.

Хотя достопамятные времена крепостничества уже милостью государя Александра миновали, вся прислуга Дмитрия Романовича решила остаться с барином, так как его все любили за его добродушный нрав и внимание к простому народу. Вот и сейчас он добродушно поучал Федьку, 13-летнего белобрысого балбеса, отряжая его с товарами на ярмарку: «Ты, Федор, муку-то купцу третей гильдии, Афанасию Максимовичу Литвинову, продай по 45 копеек за пуд, да поклон от барина своего передавай, ибо уж больно хорошо мы сговорились с ним, хохoho! Да вот сие лукошко с грибным пирогом Андрею Фридриховичу завези, не забудь уж... И да, скажи, что жду-с я его сегодня на наливочку-то, хохoho» – а после захлопотал по хозяйству, поучая свою прислугу, аки детей своих неразумных. В общем, вел он образ жизни простой и благодетельный, носил косоворотку с бархатной жилеткой и суконным черным сюртуком поверх и рабочие штаны с хромовыми сапогами. И несмотря на всю свою противоположность владельцу старинного дома с бельведером, считались они на всю округу лучшими друзьями. Искренней сей дружбе в окрестностях противилась только одна особа, о коей читатель, коли будет терпелив, узнает в последующих главах.

Страстью же Дмитрия была охота, походы в лес по грибы и торжественные обеды в старорусском стиле, для коих он выстроил собственноручно, с небольшой помощью крестьян, специальную террасу. На этой террасе покоились длинные лавки и столы из лучшего в окрестностях дуба. Обыкновенно Дмитрий устраивал сии приемы по большим народным да церковным праздникам. На обедах этих обыкновенно подавалась питательная гречневая каша, ароматное жаркое из утки, щи, окрошка, кисели да сбитни, красная и черная икра. Ну и помимо традиционных русских кушаний не забывал наш барин и о классических европейских блюдах, которые очень нравились Андрею, и из-за коих (помимо просто хорошей дружбы) и навещал его на сих обедах.

Федька уже дернул вожжи и почти исчез за пределами усадьбы, а Дмитрий Романович, с удовольствием наблюдая за рутинной суетой крестьян, покуривал сладковатый табачок, приговаривая:

– Хорошо...

Тем временем в доме с бельведером прозвонили обед. Фирс, как всегда, в парадном, суетился возле кухни:

– Быстрее, раззявы!!! Давайте сюда поднос с закусками!!! Его сиятельство желают обедать! – с яростью собаки, защищающей хозяина, голосил Фирс. Фрол в это время накрывал вместе с еще двумя мужиками стол на три прибора: сегодня Андрей обедал не только с Фирсом, но и со своим недавно нанятым финансистом, Шмуэлем, для оговаривания оставшихся деталей сделки. Поскольку наш князь недолюбливал сынов Израиля, а, попросту говоря, был очень напуган по прочтении новомодных памфлетов про Сионских Мудрецов, решил он сразу показать, кто в доме хозяин. Специально к сегодняшнему обеду повариха Марфа зарезала упитанную свинью и приготовила ее в луковом соусе, да и еще сварила легкий суп-канане на свином бульоне. Несчастный бухгалтер остался голодным и униженным. Отобедав, князь всё с той же задумчивостью на лице снова ушел в кабинет, кутаясь в необъятный халат, писать свой новый памфлет про особую роль Русского Государя в мировом духовном континууме.

Глава 4

Неделя прошла в хлопотах и заботах. Холодная и мрачная осень всё увереннее вступала в свои права. И вот в серое дождливое утро понедельника случилось неприятное, хотя и обыденное событие: у князя Андрея разыгралась сильнейшая головная боль. Вот и сейчас он сидел в кабинете в огромном кресле, на подушках и сильно страдал. На его высоком лбу, всегда выдававшем в нём блистательного интеллектуала и энциклопедиста, покоился шелковый платок, пропитанный спиртовым ароматическим раствором. Запах сей, хотя бы совсем немного, но облегчал его муки. Единственным средством спасения от сего осеннего недуга для Андрея было – ТВОРИТЬ!

Обыкновенно в такие дни он часами, не обращая внимания на боль в голове и шум в ушах, мог сидеть, разрабатывая проекты, выдумывая памфлеты и сочиняя труды по политическому устройству Российской Империи. Но в тот злосчастный понедельник в доме не осталось ни одного пузырька чернил – Андрей был безутешен, ведь в его звенящей голове проносились одна за одной гениальные мысли, а он был лишен возможности отразить их на той великолепной гербовой бумаге, что томно возлежала на столе, ожидая, когда князь запечатлеет на ней свой очередной прожект.

Превозмогая свои страдания, Андрей взял с ажурной тумбы подле его кресла изящный серебряный колоколец и звонко зазвенел им. Тут же явился Фрол, на что ему было приказано позвать Фирса. Звук колокольчика в очередной раз разверз бездну княжеских воспоминаний о детстве.

В тот студёный февральский вечер 1895 года выюга была особенно жутко, веяло особой, неизбывной тоской. В жарко натопленных покоях своего личного флигеля уже который день мучилась от нестерпимого жара и кашля могущественная княгиня Пульхерия Сергеевна. Несмотря на поздний час слуги и батраки, не останавливаясь ни на секунду, носились по дому, выполняя указания страдающей барыни. Огоньки свечей в канделябрах своим беспокойным метанием в такт жутким порывам ветра за окном оттеняли всеобщую суматоху. Однако, тут следует прерваться на описание причин случившейся трагедии: третьего дня княгиня проснулась рано утром в прекрасном настроении и, несмотря на легкую простуду, была готова к своему излюбленному развлечению – лихой охоте на зайцев в ближайшем лесу. Проигнорировав мольбы личного лекаря, отослав одного, да избив в кровь беспокоящегося за ее здоровье Фирса, Пульхерия Сергеевна зычно кликнула сына, натянула легкую охотничью куртку, отороченную лисьим мехом, и выбежала в 30-градусный мороз на улицу. Охота вышла на славу: хозяйка дома с бельведером лично поразила по меньшей мере десятерых ушастых. Но недолго длился триумф местной Артемиды: уже после ужина барыня почувствовала боль, ломоту в теле и страшный жар. Она продержалась 3 дня, почти без сна и еды, болезнь начисто отбила аппетит, а жар не давал уснуть, истощая час за часом силы.

Вечером третьего дня болезни, когда за окном стояла адская тьма, наконец, приехал доктор. Отряхнув пласт снега с теплой папахи, он немедленно вошел в хозяйские покои. Через четверть часа доктор вышел со скорбным лицом к столпившейся во главе с испуганным сыном дворне и промолвил:

– Пневмония, хмм, запущенный случай. Она не доживет до утра, увы... Надо было вашей матушке послушать меня, бедный мой Андрей. Идите же, мать желает увидеть Вас.

Князь Андрей, из последних сил, сдерживая крупные соленые слезы, аккуратно зашел в опочивальню и сел рядом с матушкиной кроватью. Взор ее впервые, пожалуй, в жизни был исполнен страданием и слабостью.

Тяжко откашлявшись, она начала: Сын! Через несколько часов все вокруг в этой усадьбе станет твоим! Будь благоразумен, умен и честен и... кхех, знай, что у тебя есть характер...

не забывай... И еще – тут матушка сказала то, что раньше никогда не говорила с такой искренностью и ненаигранностью как сейчас, – я люблю тебя, André, и всегда буду...

Слабеющей рукой, перекрестив плачущего князя, она немного собралась с силами – ну полно... зови отца Фому! Мне надо успеть покаяться, скоро я предстану на Суд... – и жестом указала Андрею на дверь.

Через полчаса из опочивальни вышел отец Фома с книгой Псалмов подмышкой – представилась... Упокой, Г-ди, душу рабы твоей Пульхерии – Фирс громко и шумно завыл, а князь Андрей, не в силах больше сдерживать рыдания, убежал к себе в комнату. Вьюга понемногу стала затихать...

В барский кабинет зашел Фирс, прервав вереницу печальных мыслей князя, на нем был его стандартный черный сюртук прусского покроя (*à la Goethe*²³), а худое и старое, казалось, выгесанное из дерева как у древнеславянских идолищ, лицо, казалось ещё более зловещим в неясных всполохах камина. «Ах, Фирс, верный мой старый друг» – промолвил слабым голосом князь:

– Совсем я занемог, сильна уж очень мигрень, а чернил-то хмм... не осталось... – Тут Андрей, дрожащей рукой достал из кармана домашних панталон увесистый *porte-monnais* и, не глядя, выдал Фирсу два целковых – Хмм... Поезжай же в город, да приобрети там чернил, ибо иначе не вынесу я своих мук.

– Сию же минуту будет-с исполнено, Ваше сиятельство – уверенно сказал Фирс

– Возьми мою лучшую карету, да прикажи Степану сесть на козлы. Хммм... и да! Остаток от денег можешь пропить в кабаке – промолвил Андрей и свалился на подушки.

Затем от потребовал принести Феликса к себе. Наш многоуважаемый читатель, весьма вероятно, полюбопытствует, кто же есть сей Феликс. Кличку сию гордо носил большой серо-чёрный кот с длинным хвостом, любимец князя. Во время приступов осенней болезни или же творческой хандры, коя частенько приключается с гениальными людьми, только Феликс (за исключением создания прожектов, конечно) мог утешить несчастного Андрея. Вся усадьба из-за болезни хозяина погрузилась в скорбную атмосферу: батраки переговаривались шёпотом, из новомодного граммофона не лилась улаждающая слух классическая музыка, а имперское знамя на флагштоке было приспущено на пятую часть от полной высоты. Единственными звуками, раздававшимися в усадьбе, были стенания князя Андрея. Обыкновенно в такие темные дни рядом с князем всегда неотлучно дежурил Фирс, что доставляло Андрею удовлетворение, а всей дворне несчастья, ибо во дни эти Фирс частенько лупил крестьян за недостаточную расторопность. Будучи подобоострастным маленьким человеком в присутствие князя, к крестьянам он относился с заметной долей презрения и жестокости:

– Марфа, пошто во внеурочный час разгуливаешь по аллеям – бывало раздавался его звонкий противный голос

– Да, видишь ли, Фирсушка, за водой ходила. А то на кухне варить суп надо...

– Степа-ан!!! – голосил Фирс – объясни-ка этой сударыне её неправоту...

Нетрудно догадаться, насколько ненавидели и презирали сию верноподданную барину до тошноты, до дурости персону, и как они были рады отъезду оной.

Фирс же, в это самое время, сидя в самой роскошной барской карете, обитой изнутри фиолетовым бархатом, побуждал через переговорное устройство Степана подгонять тройку белых лошадей. Фирсу было очень хорошо внутри, в то время как в небе сверкали молнии, и дождь щедро поливал уже отдыхающие от посевов поля. До уездного города карета доехала за полчаса. Фирс, взяв черный потрепанный зонтик, вышел на улицу и направился в канцелярскую лавку Вишнецкого и Ко*, где приобрёл всё необходимое по списку. Фирс со Степаном были уже на полпути от дома князя Андрея, как вдруг все три лошади упали замертво, сра-

²³ В стиле Гёте (искаж. фр.)

женные стрелами. Одной из таких стрел ранило Степана в ногу. Тут же из придорожной рощи к карете выскочили 4 странных мужика в крестьянских кафтанах, покрытых плащами: у одного из них был странный, очевидно, китайской конструкции самодельный многозарядный арбалет. Эти не очень-то обычные представители трудолюбивого сословия стащили Степана с козел и раскроили ему череп коваными сапожищами; Фирсу тоже досталось – его тоже побили, пусть и не ногами, и разорвали его аккуратный костюм. После сего вандалы разбили все пузырьки с чернилами и, вдоволь побуянив, подожгли карету, приказав Фирсу идти «отселя» долой и передать привет барину по приходе.

Домой несчастный слуга вернулся глубоко под вечер, в аккурат к окончанию ужина хозяйина, промокший и побитый. В усадьбе творилось невероятное оживление, слуги и служанки носились по всему дому в панике, некоторые плакали и причитали. Всё дело, как может догадаться наш вдумчивый читатель, состояло в осенней болезни князя Андрея. В ту ночь ему было особенно плохо: князя выворачивало, он мучился с болями в животе и голове. Как выяснилось позже, это было отравление и не случайное, но об этом наш терпеливый читатель узнает после. Ему то и дело в течение ночи подносили порошки и отвары целебных трав. В итоге наш измученный князь заснул лишь под утро. А проснувшись пополудни и узнав дурные новости от Фирса, очень сердился и даже побил своего верного старого лакея.

– Бейте-с сильнее-с Ваше Сиятельство, никчѐмен я – заслужил – плача голосил старый Фирс.

– Будешь знать, паскудник ты старый, свинья, как не исполнять мои поручения – размахиваясь тяжелой фамильной тростью с серебряным набалдашником, кричал Андрей

– Так ведь не по доброй воле-то я... АА... чернила извергам сим отдал-с!!!

– Живота своего не жалея, должен был защищать, деревянная твоя башка, барское имущество, как Степан, Царствие ему Небесное!!! – И ударил Фирса, только успевшего слегка приподняться с пола, между глаз

Князь кликнул двух мужиков, стоявших около дверей:

– Отнесите этого плута прочь из дома!

Весь оставшийся день Фирс, дважды избитый, униженный и лишенный главного своего блага, быть при барине, в слезах скитался по аллеям, а на ночь устроился на мраморных ступенях парадного входа дома с бельведером.

Андрею же полегчало, к ужину ему доставил чернила Федька, посланный Дмитрием Романовичем. Сидя в свете всполохов камина, и чертя свой очередной прожект, он тяжело размышлял:

– Слишком мне худо было ночью... Хмм... Стало быть отравление, симптому очень похожи. Уж точно эта стерва неблагодарная, Поганиха... Хмм, ее рук дело...

Глава 5

Бальная зала была освещена тусклым светом нескольких догорающих в канделябре свечей, богато украшенная мрамором и венецианскими зеркалами зала выглядела опрятно и аккуратно, единственно, следы некоего упадка угадывались во всем, аки у свежей еще на вид дамы, сталкивающейся с неизбежным и жестоким ходом времени. Под стать зале и всему поместью «Малые Вишнюки» была и хозяйка. Чуть выше среднего роста, с аккуратно подстриженными светлыми волосами, едва доходившими ей до плеч, в которых виднелась аккуратная блестящая диадема, сложенная, быть может, лучшими миланскими серебряных дел мастерами, в розовом бальном платье и без туфель. В руках она держала скомканный лист бумаги, а в ее больших серо-голубых глазах, возможно прекрасных, если бы она хоть раз в жизни искренне улыбнулась, стояли слезы. Аккуратные, но поношенные и не самые дорогие туфли были небрежно скинуты у порога, а прислуга, юная девка 13 лет от роду, Настасья, стояла в углу грустно понурив голову. Во всем чувствовалась грусть и тоска, сразу видно, веселье не было частым гостем в сием обиталище. Наконец, хозяйка подняла свои глаза, по ее щеке покатилась горячая слеза, но её лицо, возможно, прекрасное, исказила ужасающая гримаса ярости. Она с силой швырнула скомканный лист, топнула в ярости своей правой ножкой, прелестно стройной и худощавой, и добавила высоким, срывающимся на крик, голосом:

– Ненавижу этого оскотиневшегося Ганса, врага всех женщин и авторесс этого мира, о, подлец, никогда тебе этого не прощу, ты ещё узнаешь, что такое женская ярость и солидарность, ублюдох!

Служанка содрогнулась всем телом и лишь промолвила тихим горловым голосом с еле чувствующимся бессарабским говором:

– Полноте, барыня, почто так себя изводить, родимая!

Барыня обернулась на её голос, ее стан, доселе казавшийся в профиль хрупким аки у белого лебедя, перестал оным казаться. Что за женская магия, ей-богу! Её тонкие губы искривились в нехорошей усмешке, а большие глаза, подчеркнутые в уголках искусно подрисованными тушью стрелками, заматали молнии. Вновь топнув ножкой и театрально взмахнув аккуратными аристократично бледными руками, она, уже гораздо спокойнее, но все в такой же немного гнусавой манере, да еще и с крупповской сталью в голосе, сказала:

– Настасья, сестрица ты моя безродная, коли ты читать да совершенный женский мозг как надо использовать умела, поняла бы ты, как низок и подл бывает мужчина! Вчера ещё он, при свете ночных звезд, клялся тебе в вечной любви у прекрасного фонтана в Оранжебуме, как на следующий же день был уличен в грязной интрижке с бароном Д*. Нееет, душа моя, история не окончена ещё. Этот злой, жестокий и гадкий проходимец печатается в губернской газете, где излагает свои совершенно неправильные патриархальные взгляды! Ууух, ну он уж не отделяется, как граф Харчкин, обнаружением его личной переписки, нет. Тут он перешел черту, хам! – закончив сию проникновенную речь, барыня направилась к дверям, при этом ее белый мопс, скрывавшийся от гнева хозяйки под розовым пуфиком, скакал и гавкал, семена в такт ее не по-женски широким и волевым шагам. Даа, сии дамы коней на скаку не останавливают, в горящие избы не входят. Они их сами поджигают. Барыню не зря звали за глаза «Поганихой», аккуратно переиначивая её странную для здешних мест фамилию и связывая её с уже упоминавшейся всею Салтычихой...

Поместье «Малые Вишнюки», о коем я уже имел честь вам сообщить, находилось чуть поодаль от основного тракта уезда Г* Н*ской губернии. Еще со времен Алексея Михайловича славный род К*, ведущий свою родословную то ли от побочной ветви литовский князей, то ли от онемеченного в XII веке прусского рода, 4 столетия верой и правдой служившего Великим

Магистрам Немецких Орденов и хищнически разорявшего своих соседей, то ли от той самой польской магнатской династии Радзивиллов, осел на этой благодатной земле.

Случилось это немного потешным образом, навсегда вошедшим в фамильную историю: Александр Готтфрид фон Ойеген-К*, в силу своих польскоедских наклонностей, мечтал сражаться с восточными варварами, как и его могучие предки. В те годы королевство Швеция не раз начинало войны с Речью Посполитой ради упрочения своего влияния на Балтике, и сей славный муж, взяв коня, дорожное платье, пару пистолей, 15 талеров серебром и фамильный клинок, отправился в Дерпт, дабы записаться в ряды армии Льва Севера и снискать там бессмертную славу. Но где-то на польско-шведской границе сего героя застала в лесу метель, и он сбился со своего пути. Лишь через пять дней скитаний, сварив свой кожаный сапог, дворянин выехал к старой корчме. Там, отогревшись и откушавши «SCHTSCHI», он спросил у хозяина направление на Дерпт. Не понимающий по-немецки хозяин решил, что немец направляется в Москву, и показал ему направление на Смоленский тракт. Наш ничего не ведающий дворянин отправился к Москве, по пути дивясь суровости здешней природы и грубой неприхотливости местных жителей:

– Ставлю 5 талеров, сии шведы суть явно переселенцы из нашей Пруссии!

Только въехав в Москву, он понял, что немного промахнулся с направлением, но унывать он стал: люди здесь также страстно ненавидели ляхов, а также ему показали, как изменился город при Алексее Михайловиче. Так Александр Готтфрид фон Ойеген-К* стал лейтенантом рейтаров, Александром Гансовичем К*, крещённым через пару месяцев в православную веру.

Все члены этой distinguished фамилии верой и правдой служили своим новым покровителям, преумножая собственные владения, но к последней четверти XIX века богатство семьи поубавилось: многочисленные наследники из побочных линий сего великого рода разорвали и растратили огромные состояния, а усадьба, вследствие отсутствия у Клавдия Фёдоровича К* прямых наследников мужского пола, была передана вместе с его скромными капиталами его единственной и любимой дочурке Машутке, ныне молодой и недоступной, холодной как лёд, красавице Марии Клавдиевне К*. Так сказать, дама сия в свои двадцать с небольшим стала владелицей крупного, хотя и растерявшего свое бывшее великолепие, поместья. С детства слушала она истории о своих гениальных предках, которые, в период рассвета, владели половиной всех пахотных угодий сего уезда и бывали частыми гостями не только у настоятеля соседнего монастыря, но и даже у самих царей и российских императоров. Также много она услышала горьких слов о беспутном поведении своих кузенов, племянников и дядюшек, спустивших семейное добро на всяческого рода беспутства и бесконечно просивших в долг у её доброго к семье и безотказного батюшки, ещё тогда она поняла, как слабы мужские душонки и как падки они на всевозможные премерзнейшие развлечения. Избалованная вниманием своих родителей, она росла в убеждении, что является, не больше не меньше, принцессой Британской императорской фамилии, и посему требовала к себе надлежащего отношения. Селящиеся вокруг дворяне, изначально пигмеи по сравнению с великим родом К*, забирали себе все больше земель в счет оплаты карточных долгов и из-за нечестных маскулинных махинаций. В конце концов, отмена крепостного права больно ударила по состоянию семьи: большая часть деревень с крепостными была уже продана, и большинство земель составляли теперь леса да луга, а выкупные платежи, также как и дворянский банк, никак не могли поддержать благосостояние рода: леса продавались под вырубку, луга отнимались соседями в счет оплаты долгов, пашни пустели и захватывались соседями и простыми крестьянами. Сама Мария наблюдала, как светлый сосновый лес, в котором она со служанками бегала и играла в старинную прусскую игру «митглицеры²⁴», был продан амбициозному, но худому родом выскочке, Дмитрию Романовичу Л*, новоиспеченному барину по соседству.

²⁴ От нем. Mitglieder (члены группы)

– Ааах, надо было деду продать с молотка, а не отпускать этого жалкого батрака! – говорила Мария, зло прищуриваясь и, казалось, выплевывая каждое слово.

Затем была продана мельница, мука с которой поставлялась ныне в «Малые Вишнюки» с немалой наценкой. Мария получила превосходное домашнее образование, что позволило ей дальше обучаться в Институте Благородных Девиц в Санкт-Петербурге. Но после сего этапа империя ограничивала возможность дамам получать дальнейшее образование, что серьёзно злило и расстраивало молодую дворянку. А дело было в том, что она, будучи еще гимназисткой, увлеклась не популярными тогда французскими романами, а трудами английских и французских суфражисток, ну а также классической русской и английской литературой (она выучила в совершенстве английский и французский, умела немного говорить по-немецки, и считала себя, часто безосновательно, великой знатокиней русской словесности, её перу принадлежал неизданный «реакционными» издателями Женский русский словарь). С давних пор вела она конфликт с Андреем Фридриховичем, причем иногда доходило дело и до серьезных баталий. Причина сих разногласий меж благородными особами была одна, но очень глубокая, скажем, даже экзистенциальная. Как помнит наш многоуважаемый читатель, действие сего скромного произведения разворачивается в самом начале двадцатого века, века блистательного прогресса каждой из областей человеческого гения, а также век катастроф. Обе черты сего злосчастного столетия и стали причиной такой напряженности: Мария была с отрочества увлечена идеями суфражизма, в то время как Андрей всегда громогласно заявлял в своих памфлетах, манифестах и даже в едких эпиграммах свое презрение к данной идеологии и всегда любил повторять своим верным крестьянам:

– Хмм, смотрите не смейте даже размышлять над рациональностью слов этой падшей... хмм, аристократки. Лично я бы таких распространителей зловредного либерализма мнений убил бы всех... хмм, но, если б не убил, так избил бы точно. Сила русского народа не иссякнет, несмотря на деятельность этих хмм... новаторов, своим инфантилизмом отравляющих будущее Империи!!!

Крестьяне слушали сии пронзительные монологи, в душе озабоченные лишь интенцией поскорее найти побольше ассигнаций для того, чтобы выплатить выкупные платежи и сделаться полностью свободными от причуд своего странного барина, и только старый Фирс, едва понимая своего кумира, внимал князю Андрею со слезами счастья на глазах.

Мария же тоже была невысокого мнения о своем высокородном соседе, то и дело называя его за глаза «сторонником самого замшелого, пещерного патриархата» и «почитателем Победоносцева». Пользуясь гибкостью своего природного ума, она разрабатывала различные хитрые ловушки для князя Андрея и Дмитрия Романовича, коих она то пыталась отравить, то насладить свою прислугу на их людей. И иногда, особенно в случае с князем Андреем, который, несмотря на свою гениальность, все же был довольно рассеян, сии удары достигали цели...

Луна освещала своим светом погруженную в сон деревеньку «Вишнюковское», а также выделяла из крошечной темноты силуэты огромного дома, построенного в стиле Барокко и выкрашенного, по повелению хозяйки сего дворца, в нежный розовый цвет. Огромные окна пустой ныне Бальной залы, где ещё век назад отплясывали все высшие лица и сливки провинции, были темны, огонь почти нигде не горел из-за дороговизны свечей, лишь из небольшого оконца малого кабинета пробивался нечеткий и неясный огонек. Сие поместье когда-то поражало своей красотой и масштабами: вокруг расстилались просторные охотничьи угодья, полные дичи и птицы, деревеньки вокруг, управляемые железной рукой, всегда были чисты и аккуратны, летом бабы ходили в сарафанах, а мужики, по неизвестной традиции, вынуждены были облачаться в шерстяные гетры и кожаные короткие штаны, а также шляпы с пером. К поместью вела мощёная булыжником дорога, её освещали новомодные тогда газовые фонари, а кованые ворота поражали красотой и изяществом линий при въезде! Это была работа лучших пфальцских кузнечных дел мастеров. Не отставали по масштабам каменная стена, сложенная из добы-

тых в соседней губернии камней, и площадка для карет, на которой, даже несмотря на невиданные размеры, всегда было тесно. Дворец расписывали лучшие швабские художники, а полотна, ныне частично проданные или же завешенные мешковиной, были приобретены на модных аукционах по всей старушке Европе. Для того, чтобы достичь парадного входа дворца, надо было пройти через благоухающий и цветущий вишнёвый сад, разбитый вокруг поместья, который мог дать до тысячи пудов свежей и спелой вишни в год! Многочисленные лакеи зажигали свечи и газовые рожки, и, казалось, вся округа вспыхивала мириадами ярких огней, а если ещё добавить к этому звучащую оркестровую музыку и залпы новомодного тогда китайского салюта!

Но ныне все кануло в Лету. Украшения и краски поблекли, сад запущен, а также периодически подвергается варварской вырубке или сбору ягод со стороны соседских слуг, дорога и площадка заросли травой, а некоторые стены дома покосились и надолго заросли строительными лесами. Но в эту лунную ночь хозяйка не спала. Она раз за разом перечитывала памфлет Андрея Фридриховича Щ., своего соседа и личного врага. Он, будучи в заграничной поездке, посетил Англию и составил о ней записки. Но не это привлекло внимание Марии Клавдиевны: памфлет «О тлетворной идее суфражизма и его возможном гипотетически и теоретически удушающем влиянии на русское высшее общество на провинциальном и общеимперском уровнях» за авторством князя, напечатанный в захудалой губернской газете. Её лицо исходило в судорогах, а тонкие губы кривились в неприятной гримасе. В данном опусе князь разбирал каждое положение суфражизма, а затем, со знанием дела и с ссылками на новомодные политические, социальные и экономические учения, а также с использованием первоклассной аргументации, разносил все положения суфражизма, камня на камне не оставляя от надежды женщин встать в один ряд с «Гегелевскими господами», представителями консервативных, славянофильских и черносотенных движений. Под конец, она в сотый раз смяла лист бумаги и швырнула в угол:

– Он считает, что его напускная маскулинность и отсутствие ума делает его интеллектуалом? А как же княгиня Ольга и Мария Кюри, а, угнетатель? – прокричала она тонким голосом, исторгая рыдания из глубины груди и стуча кулачком по столу. Но внезапно в дверь тихонечко постучали на секретный манер.

– Потап, не подсматривай, дай мне пять минут и заходи – кокетливо ответила она, вытирая слезы.

– К вам гость, барыня! Тропой чрез калитку да сад вышел, от князя Пустомели! – ответил Потап, один из немногих ныне мужиков в усадьбе, приближенный барыни, неоднократно замеченный за грязными делами да в трактирах. «Значит, Фролушка явился, соколик. Ну теперь уж мы посмотрим, как это женщины не способны к аналитической работе!» – подумала барыня, нанося, как она говаривала, «Make up»²⁵. Она, с детства разочарованная в Высшем свете и дворянстве, начитавшаяся трудов не только суфражисток, но и даже социал-демократов и коммунистов, не видела особой разницы между высокородными и низкородными мужчинами, справедливо полагая, что разницы нет никакой, да только от мужичья, в силу зависимого положения да привычки подчиняться, меньше неприятностей. Сквозь годы прошел слух о связи некой дворянки и мужика, во времена Советской России эта легенда была приукрашена и даже экранизирована. Фрол, плут на службе князя Андрея, вошел через четыре минуты и заключил Марию в объятья:

– Давеча приехал сатрап, да мы уж все с ног сбились. Толку-то от барина никакого, чай, бумагу в кабинете марают, да вот Фирс, старый пес, совсем лютует – сказал он, показывая следы порки на своей спине.

– Как недемократично! – Мария притворно издала вздох и закатила глаза, Фрол подхватил ее за талию – Зачем же ты явился ко мне в сей поздний час, неужто только за моим *сочув-*

²⁵ Макияж (англ.)

ствием? – Она высвободилась из его рук и встала перед ним, надув губы и нарочно притворившись обиженной да смертельно ядовитой как рыба Фугу.

– Нет, товарищ барыня, простите-с» – сейчас на лице Фрола отобразилась нешуточная обида, ведь он не считал титулы препятствием, особенно в общении с *нею*. «Так, главное, не передержать» – подумала хитроумная Мария и сказала, изобразив на своем лице виноватую улыбку:

– Ну не лютуй, Фролушка, я же шучу, только не говори мне, что считаешь мужской юмор выше женского – Лицо его изменилось и он, надеясь не задеть опасную тему, вымолвил:

– Неет, не считаю. Считать не обучен-с. А пришел я к вам с рассказом. Сегодня вечером перед трапезой я подсыпал в кубок князя немного порошка, коий в сочетании с выпитыми им пятью бутылками шампанского приведет наутро князя в совершенно болезненное состояние. А также я знаю, что в доме не осталось чернил, наш старый приказчик, хитрая душа, сменял все чернила на самогон и к приезду барина был в животном состоянии» – во время сей речи рот его обнажился в широкой улыбке. Мария ответила ему с нескрываемой радостью и радостным смехом:

– Хаа, вот теперь и поквитаемся. Потааап, заходи, кое-что нужно сделать, дорогой мой – а затем шепнула Фролу: «Ваша награда ожидает вас».

Глава 6

Поместная дворянка Мария Клавдиевна К. с торжествующим видом выслушала доклад одного из своих доверенных батраков, Потапа, который в красках описал ей весь процесс уничтожения кареты. В великой радости размахивая руками и причмокивая губами, она уронила сочный вареник с вишней, кстати, её любимое блюдо, на свою парадную «злорадственную» юбку, измазав её сладким и приторным вареньем и сметаной. Из-за своей общей веселости она не замечала, как оставшиеся в тарелке мучные деликатесы разлетались с ее вилки по комнате, прилипая к полу и стенам, шлепаясь о нос Потапа и разбиваясь о канделябры и карнизы. Право, Николай Васильевич Г* полвека назад смог почти детально изобразить сию сцену в одном из своих произведений, нас же, благородные читатели и читательницы, волнуют наиболее монументальные события, образующие становой хребет сего повествования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.